

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КРЫМОВЕДЕНИЯ: К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ ЭРНСТА

А.А.Непомнящий

(доктор исторических наук, профессор,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского)

На підставі нового корпусу архівних джерел та маловідомих публікацій про Крим розглядається історія організації наукової радянсько-німецької експедиції з дослідження печерного міста Ескі-Кермен та роль у вивченні цієї пам'ятки вченого й археолога Миколи Львовича Ернста.

The unknown subjects of development of the Crimean studies in complicated times in the third decade of 20th century, which was a period of breaking classical traditions and establishment of totalitarian system, have been reinstated on the base of documentary complexes from Saint-Petersburg and Archive of Senior management SSU in autonomous republic of Crimea. Process that had been passing in case of the Crimean studies has been showed on the background of N. L. Ernst, the major figure of the local region studies movement.

С началом жизни и научных исследований в Крыму мир научных контактов Николая Львовича значительно расширился. От педантичной службы библиотекаря-книговеда, так импонировавшей в свое время молодому немцу, он довольно скоро отошел, погрузившись в работу Ученого Совещания и комиссии по реквизициям культурных ценностей. Открывшиеся просторы для изучения памятников истории и культуры развернули интересы первого директора библиотеки Таврического университета от книжных полок к археологическим исследованиям. Этому способствовали и прочно вошедшие в жизнь Н. Л. Эрнста пешеходные экскурсии по неизведанному краю. В свою очередь, интерес к археологическим памятникам принес с собой многочисленные знакомства в новом мире – историков-крымоведов.

Научное бытие любого ученого невозможно только внутри самого себя. Контакты с коллегами, которые трудятся на том же проблемном поле, совместные исследования, консультации, презентации своих трудов, рецензирование, научная полемика – все это неперемные составляющие научного труда. Эпистолярное наследие Н. Л. Эрнста, к сожалению, не так хорошо дошло до нас, как письма Арсения Ивановича Маркевича к коллегам-крымоведам по всей стране. Хотя, судя по восстановленным нами линиям межличностных коммуникаций Николая Львовича, на протяжении 20-х – 30-х годов XX века его эпистолярное общение с коллегами было никак не менее, а гораздо обширнее, чем переписка его современников – крымских ученых. Состояние и динамика жизни любого научного работника, как и академического объединения, в значительной степени определяются «интертекстуальностью» бытования норм интеллектуального труда. Сам круг профессионального общения является определенным индикатором признания и авторитета того или иного деятеля науки.

Новые контакты, прежде всего, работа в Ученом Совещании, позволили Николаю Львовичу быстро войти в круг крымоведов как местного, так и академических центров, которые активно проводили полевые исследования на полуострове. Так у Н.Л. Эрнста начал формироваться круг близких друзей на научном поприще.

Уже в 1919 году он познакомился с крупным музейным деятелем, археологом Константином Эдуардовичем Гриневичем (1891–1970), работавшим тогда директором Керченского музея древностей (1919–1921). Служебное общение довольно быстро

переросло в дружеское и продолжалось во время директорства К.Э.Гриневича в Херсонесском музее (1924–1927) и после его перевода в Москву, где он работал заместителем заведующего Музейным отделом Наркомпроса РСФСР, заведующим отделом скульптуры Музея изобразительных искусств, ученым секретарем Всесоюзного общества культурной связи с границей, доцентом Московского государственного университета (см. о К.Э. Гриневиче: 1, 284-294). Николай Львович неоднократно приезжал к нему в Москву, а К.Э. Гриневич, в свою очередь, при каждой поездке в Крым обязательно навещал Н. Л. Эрнста.

В 1924 году Н. Л. Эрнст познакомился с бывшими тогда неразлучными друзьями археологами Алексеем Степановичем Башкировым (1885–1963) (см. о нем: 2, 316-317) и Ильей Николаевичем Бороздиным (1865–1938) (см. о нем: 3), которые приехали в Крым в составе совместной экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР. Научные контакты и дружба ученых с этого времени стали постоянными. Уже в 1926 году они проводили совместные раскопки в Кырк-Азислере у Бахчисарая (4).

Увы, как и у любого крупного специалиста, на ученом пути у Николая Львовича встречались не только похожие на него самого, высокоинтеллигентные представители академических кругов или же выходцы из местных краеведческих обществ. В этой связи показателен его научный конфликт с крупным археологом, крымоведом Н.И. Репниковым (1882–1940).

Николай Иванович Репников родился в Санкт-Петербурге 9 апреля 1882 года в крестьянской семье. Его отец работал бурлаком на лесных сплавах Громовых, а мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына. После окончания в 1901-м коммерческого училища в 1902-м Н. И. Репников поступил в Археологический институт. С этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве сотрудника Археологической комиссии. Уже в двадцатилетнем возрасте он начал самостоятельные полевые исследования в Тверской и Новгородской губерниях. В 1904-м, после успешного завершения курса в Археологическом институте (был выпущен со званием члена-сотрудника) Николай Иванович провел полевой сезон в Крыму, а после возвращения в столицу поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился до 1908-го. В 1910-м началось сотрудничество Н. И. Репникова с Этнографическим отделом Русского музея, где он являлся хранителем археологической коллекции, насчитывавшей к тому времени более пяти тысяч единиц учета.

Раскопки Н.И.Репникова в Крыму начались с 1903 года и продолжались с некоторыми перерывами до самой смерти в 1940 г., на который приходится его последняя экспедиционная поездка. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках раннего средневековья: Византийский Херсон, готский могильник Суук-Су, Партенитская базилика VIII века, «пещерные города». С 1926 года Н. И. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный им обильный разнообразный материал дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа (см. о Н.И. Репникове: 5, 386-401).

Научные интересы Н. Л. Эрнста и Н. И. Репникова столкнулись в Эски-Кермене. 12 апреля 1929 года в письме к академику Сергею Федоровичу Платонову (см. о нем: 6, 98-144) Арсений Иванович Маркевич тогда представил свое видение конфликта, развернувшегося между ними. Николая Львовича А. И. Маркевич знал, конечно, лучше,

чем Н. И. Репникова. Каждый из них просил Академию наук разрешения на организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» (7). При этом А. И. Маркевич охарактеризовал для С. Ф. Платонова Н. Л. Эрнста: «Н.Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» (8). При всей сложности, даже антагонизме отношений Н.И.Репникова и Н. Л. Эрнста А. И. Маркевич советовал С. Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», – заключал он.

С. Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 года он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н. И. Репникова с Н. Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. – Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили желаний помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н. Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, – по-моему, Эрнст больше, но это все равно, – и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление» (9).

В связи со вниманием Академии наук к организации раскопок на Эски-Кермене интересно письмо Николая Львовича Эрнста, адресованное Владимиру Ивановичу Вернадскому. Не зная, где в данный момент находится Владимир Иванович, Николай Львович написал два экземпляра письма с одинаковым текстом. Один он отправил в Москву (оно выявлено нами в личном архивном фонде В. И. Вернадского, автограф) (10), другой – в Ленинград – Комиссию по истории знаний (см. об этом: 11, 6, 10-11) (сохранилось в архивном фонде Комиссии, автограф). Поводом для поспешного написания письма стала телеграмма В. И. Вернадского, в которой Н. Л. Эрнст приглашался на заседание Академии наук в связи с обсуждением там вопроса об Эски-Кермене. Николай Львович находился в это время в Киеве, в гостях у брата и сестер. Оттуда он и писал 21 марта 1929 года:

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Мне переслали сюда в Киев Вашу телеграмму с сообщением о предстоящем 24 марта заседании в Академии наук об Эски-Кермене и с приглашением мне принять в нем участие. Спешу выразить Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и очень сожалею, что не повидался с Вами в Ленинграде.

Я знал, будучи в Ленинграде, об этом заседании, но, несмотря на мою чрезвычайную личную заинтересованность в его теме, не остался для участия в нем; в Москве я присутствовал в конце февраля на таком же докладе Н. И. Репникова и также воздержался от всякого выступления на нем.

Дело в том, что я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921 г., делал доклады о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и Ленинграде (в ГАИМКе) в 1927 г., написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, и предполагал в 1927 и 1928 гг. раскопки Эски-Кермена как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н. И. Репников, причем оттеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной

совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, ввиду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилён в отстаивании себя, а Н. И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, ввиду того, наконец, что я человек миролюбивый и всяких свар избегаю, я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене.

К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою работу об Эски-Кермене, так как рукопись ее лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании напечатания. Я бы очень хотел принять дальнейшее посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена, если только это не будет связано с какими-либо натянутыми или конфликтными взаимоотношениями с Н. И. Репниковым. С. Ф. Платонов говорил мне, что Эски-Керменом чрезвычайно интересуются в Германии и что даже возможна организация изучения его германскими учеными. Я считал бы это чрезвычайно желательным и, конечно, принял бы самое горячее участие и оказал бы всевозможное содействие, тем более что сам имею близкую связь с германской наукой (я член Берлинского университета). Однако я считаю необходимой величайшую осторожность в связывании Эски-Кермена с готами. Эта связь, конечно, имела, но она не так проста и не так легко дается, как кажется. Приурочение к Эски-Кермену готской столицы Дороса я считаю совершенно неосновательным: Дорос – все-таки Мангуп. Добытые на Эски-Кермене черепа, наверное, греческие по своим свойствам, а не готские.

Мои основные мысли об Эски-Кермене и пещерных городах следующие.

1. В литературе до сих пор пещерные города считались или сооружениями доисторическими, или связанными с иконоборческой эпохой. Я считаю то и другое неверным. Все данные из Эски-Кермена и других пещерных городов (без раскопок) указывали на позднее средневековье.

2. На Эски-Кермене пещерные сооружения были лишь хозяйственным, служебным придатком к обширному надземному городу, расположенному на его плане, где сохранились многочисленные развалины, подлежащие раскопке, особенно обширная базилика.

3. Эски-Кермен был укрепленным пунктом, но подчиненного значения по сравнению с Мангупом-Доросом.

4. Живопись в пещерных церквах Эски-Кермена (всех церквей – 7, с живописью на Эски-Кермене – 2 и над древней Черкес-Кермен – 1) чрезвычайно интересна и подлежит изучению (особенно в последней церкви). Она относится к XIV – XV вв.

5. Пещерные города как-то связаны с готским княжеством, однако традиция создания таких сооружений попала в Крым через греков из Каппадокии.

6. Эски-Кермен прекратил свое существование в конце XV в. с турецким завоеванием.

Выражая еще раз, многоуважаемый Владимир Иванович, благодарность за Ваше ко мне внимание, остаюсь готовый к услугам.

Ваш Н. Эрнст» (12).

В июле 1929 года А. И. Маркевич занимался организацией поездки С.Ф. Платонова в Крым. 19 июля он сообщал академику, что, если тот откажется от ночевки в его доме и захочет поселиться в гостиницу, лучшими в Симферополе являются «Ленинградская» и «Дом крестьянина» (13). Сергей Федорович планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзенем. Готовясь к этой встрече, С. Ф. Платонов, при содействии А.И. Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Н.И. Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ (14, 290).

К середине 1929 года противостояние Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С. Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских Александром Ивановичем Анисимовым (1877–1937), отложившаяся в личном архивном фонде последнего в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (15). Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н. И. Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), которая не так давно была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» (см. подробнее: 16, 212-223). Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н. И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом, увы, как это нередко бывает в научном сообществе, для доказательства собственной правоты Н. И. Репников и поддерживавший его В. И. Равдоникас (22 июля 1929 года В.И. Равдоникас был специально командирован Государственной академией истории материальной культуры в Крым для участия в Эски-Керменской экспедиции, см. об этом: 17) не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 года в сторону Н. Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а, следовательно и некачественном, проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных еще Александром Львовичем Бертье-Делагардом (18). В. И. Равдоникас и Н. И. Репников безапелляционно утверждали, что Н. Л. Эрнст использовал для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопок) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) (18).

Интересный источник, связанный с этим вопросом, нам удалось обнаружить в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Это письмо А. И. Маркевича в Крымскую комиссию Государственной академии истории материальной культуры от 15 июля 1929 года. Приводим его текст полностью:

«Ознакомившись с протоколами (в копиях) заседаний Крымской Комиссии Академии Истории Материальной Культуры 28 марта и 9 мая этого года, я по званию своему председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии, считаю обязанностью защитить доброе имя и нравственное достоинство его члена – секретаря Н. Л. Эрнста от тех обидных подозрений, которые были высказаны по его адресу некоторыми лицами в дискуссии по докладам тов. Репникова и Раудоникаса [Равдоникас (А. Н.)] в этих заседаниях именно о том, что он использовал и выдал за свои чужие (пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда) научные материалы: рисунки, чертежи и т.п.

Имея с Н. Л. Эрнстом почти ежедневное общение в течение десяти лет, я знаю хорошо его, как добросовестного научного работника и благородного человека, неспособного к плагиату ни в малейшей степени. Я хорошо знаю и то, с каким глубоким интересом занимается он древностями Крыма, между прочим пещерными городами и, в частности, Эски Керменом, на изучение которого посвятил много труда в последние годы, и кабинетного и полевого, на месте. Глубоко скорблю, что ему не привелось принять участие в раскопках Эски Кермена.

Не могу не остановиться и на странном заявлении Н. И. Репникова в заседании Крымской Комиссии 9 мая о том, [что] будто бы, «материалы графа Уварова, относящиеся к пещерным городам Крыма, хранились в одном экземпляре в Архиве б[ывшей] Таврической Архивной Комиссии и принадлежали ранее Султану Крым Гирею Хану». Заявляю, что никогда ни малейших материалов Уварова в этой Комиссии не было и нет их в библиотеке ее преемника Таврич[еского] Общества Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии]. Были в ней и находятся в настоящее время только сочинения Уварова и хорошо известный Атлас к его «Исследованию о древностях Южной России», подаренный Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии ее покойным членом Н. А. Султан-Крым Гиреем. Какое отношение имело заявление Н. И. Репникова к вопросу, о котором шла речь, не могу понять. Очевидно, имя Уварова понадобилось в такой же мере, в какой упоминалось и имя пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда.

Председатель Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии А. Маркевич» (19).

Узнав от археолога Александра Андреевича Спицына об открытиях Н.И. Репникова в 1928 году на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С. Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862–1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты (см.: 20, 118; 20, 666). Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С. Ф. Платонов рекомендовал Ф. А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР (21, 1517-1520). Ф. А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С. Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 года обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е. В. Воронову (22). Получив согласие этого чиновника, С. Ф. Платонов 24 апреля 1929 года провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными (23). Вот почему академик так пристально интересовался у А. И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 года, он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, С. Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук – работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР (см. подробнее: 24, 307).

Представители Германского археологического общества профессор Фрейбургского университета Зауер, по описанию Н. Л. Эрнста «старик, неуклюжий, видимо, католический священник, археолог, очень знающий» (25) и доктор Финдейзен – «молодой, шустрый, этнограф из берлинского Музея народоведения, специалист по этнографии России» (25) (женатый на русской) – приехали в Крым в контексте совместной программы советской и германской академии наук по организации совместных раскопок готских древностей в Крыму. Пока немцы должны были только ознакомиться с объектами будущих раскопок и определить объемы дальнейших совместных исследований, согласно чему германской стороной выделялось финансирование. Проехав пункт назначения, немецкие археологи по ошибке вышли в Севастополе, откуда их сразу же автомобилем вернули в Симферополь (26).

Уезжая из Крыма, С. Ф. Платонов перепоручил все организационные заботы о Зауере и Финдейзене Арсению Ивановичу Маркевичу. 9 сентября 1929 года А.И. Маркевич писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытие и времяпровождение (27). 13 сентября 1929-го он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году» (28). Уже 23 сентября 1929 года он подытоживал: «Самое важное – немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене], и проблема крупных раскопок в будущем году упрочилась» (29).

23 сентября 1929 года сообщая С. Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А. И. Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» (30; см. также 31, 138-165).

По заданию Наркомата просвещения Крымской АССР Николай Львович занимался финансовыми расходами по приему делегации совместно с А.И. Маркевичем. Он постоянно сопровождал немецких гостей во время поездки в деревню Черкесс-Кермен (Бахчисарайский район) совместно с наркомом по просвещению Крымской АССР Мамутом Недимом, по другим местам горного Крыма. Профессор Зауер вскоре вернулся в Германию, а Финдейзен остался в Бахчисарае, где самостоятельно занимался подбором и скупкой предметов для крымско-татарской коллекции своего музея (32).

Из идеи организации совместных советско-германских исследований так ничего и не вышло, а практически все вдохновители и участники этих событий с советской стороны вскоре были репрессированы.

1. Латышева В.А. К.Э. Гриневиц как археолог // Древности, 2004: Харьковский ист.-археол. ежегодник. – Харьков, 2004.
2. Пятьшева Н. А. С. Башкиров // Советская археология. – 1963. – № 3.
3. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историогр. очерки / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Таврический нац. ун-т им. В.И.Вернадского. – Симферополь, 2004. – (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).
4. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 147.
5. Герцен А. Г. Неизвестный документ из наследия Репникова // In situ : к 85-летию профессора А. Д. Столяра / СПб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – С. 386–401.
6. Непомнящий А. А. Новые материалы по крымоведению: по переписке А.И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства, і культурології / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України. – К., 2007. – Вип. 4. – С. 98–144.
7. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.
8. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 29.
9. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3–4.
10. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1909, л. 1–1 об.
11. Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: из истории организации историко-научных исследований в Академии наук : сб. док. / сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. – СПб., 2003.
12. ПФАРАН, ф. 154, оп. 1, д. 21, л. 177–177 об.
13. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 7.
14. Платонов С.Ф. [Об археологических исследованиях Н. И. Репникова в Крыму: Предисловие к статье В. И. Равдоникаса] // Вестник знания. – 1929. – № 7.

15. Государственная Третьяковская галерея, отд. рук., ф. 68, оп. 1, д. 322, л. 1, д. 323, л. 1–2; д. 324, л. 1–3.
16. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: письма Н.И.Репникова к И. Э. Грабарю / подг., предисл., комм. Е.А. Теркель // Историческое наследие Крыма.– 2006.– № 14.
17. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 224, л. 1–2.
18. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57.
19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 58–58 об.
20. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиогр. и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь, 2001.
21. Платонов С. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна / С. Платонов, И. Крачковский, С. Ольденбург // Известия АН СССР. Сер. 6.– 1927.– № 18.
22. ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.
23. ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.
24. Брачев В. С. Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело».– СПб., 2005.
25. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121.
26. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121–121 об.
27. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 13–14.
28. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 17.
29. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 18.
30. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 21 об.
31. Непомнящий А.А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории кривоветения в переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма.– 2006.– № 16.
32. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121 об.